

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ (социологический анализ анекдота)

Автор: Л. Б. ЗУБАНОВА

ЗУБАНОВА Людмила Борисовна - доктор культурологии Челябинской государственной академии культуры и искусств (E-mail: milazubanova@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена проблеме социологического анализа юмористической самопрезентации русского национального характера. На основе контент-анализа анекдотов, посвященных проявлениям национальных особенностей, обобщаются основные формы презентации национального начала, систематизируются черты и проявления, свойственные русскому народу.

Ключевые слова: национальный характер, российский менталитет, анекдоты, юмористическая самопрезентация, контент-анализ.

Русский человек способен сделать то, чего и в мыслях не было, и мыслить о том, что никогда не будет сделано.

О русском национальном характере и русском народе написано много: философами, культурологами, историками, публицистами, да и самим народом. Словосочетание "русская душа", как правило, вызывает две полярные ассоциации: от преклонения перед ее загадочностью, противоречивостью, непознанностью и неуловимостью (И. Северянин: "*Я сам себя не понимаю, а сам я - вылитая Русь!*"; или знаменитое Ф. Тютчева: "*Умом Россию не понять*") до отрицания ее специфичности по отношению к другим народам (а почему не загадочная итальянская душа?), целенаправленных попыток рационализировать эту лишь на первый взгляд иррациональную природу (И. Губерман: "*Давно пора, ... мать, умом Россию понимать*").

Однако в независимости от занимаемой позиции проблема вызывает непосредственный эмоциональный отклик, рождает чувство заинтересованности и вовлеченности в ее раскрытие, а потому и не входит в число исключительно "научно-методологических", заключенных в узкие рамки конкретно-ориентированных исследовательских направлений. Возможно этой естественной потребностью в осмыслении самого себя, своих истоков, стремлением понять *откуда* и *из чего* мы родом - и объясняется напряженно-импульсивный накал дискуссий на заданную тему. И вероятно, в силу данной "сверхэмоциональной заинтересованности" представления народа о самом себе - субъективны и лишены строго научной обоснованности и фактологической достоверности. Кроме того, выявленные исследователями русского менталитета характеристики антиномичности и амбивалентности русской культуры (воплотившиеся в олицетворяющем ее образе кентавра) как бы официально закрепляют право диалогичности, многоплановости и даже научной противоречивости в ее осмыслении.

В предлагаемом исследовании мы не ставим задачу историко-культурного анализа основных черт русского национального характера, философско-культурологического осмысления особенностей сложившихся ментальных структур (задачи слишком глобальной для попутного решения в рамках конкретной работы). В данном случае нас интересует не процессуальная сторона формирования национального самосознания (особенности и этапы развития национального характера, эволюция представлений, историко-культурная динамика черт), а результирующие **формы презентации (самопре-**

зентации) национальной специфики, отраженные в устном народном творчестве (безусловно, в значительной мере популяризированном современной массовой культурой).

Общество во многом создается на основе взглядов о себе - идеологии, религиозном веровании, научном изучении собственных национальных особенностей. Но данные формы осмысления в большинстве своем, базируясь ли на сакральном характере прочтения (религия), программно-официальном обращении (идеология) или рациональной природе **исследования** (наука), выступают представлениями скорее о *должном*, чем о повседневных реалиях наличного бытия, во многом лишены легкости и непосредственности восприятия.

В этом смысле самопрезентация национальных черт наиболее адекватно отражена в базово-архетипических слоях культуры. К таковым, прежде всего, могут быть отнесены мифы, сказки, притчи и легенды, возникшие в традиционном культурном наследии и народном художественном творчестве, закрепленные в статусе вербализованного опыта. Фольклорное наследие в силу своей вековой укорененности лишено свойств мобильного и оперативного реагирования на изменяющиеся условия жизни; устойчиво-константно, а потому репрезентирует скорее традиционное, а не современно-актуальное состояние культуры. С другой стороны, самопрезентация обобщенных черт национального характера, понимание специфики породившей его культуры вряд ли возможны лишь на основе "сиюминутной эмпирии" дня сегодняшнего - материала, не претендующего на осмысление традиционно-базовых пластов культурного наследия прошлого.

Допустимой формой синтеза *традиционно-актуального прочтения*, на наш взгляд, может выступать **анекдот**. Традиционным может быть признан сам факт его длительного существования, культурной устойчивости и воспроизводимости. Неслучайно в философско-культурологической традиции идут дискуссии о генетической и сущностной связи анекдота и мифа [Лосев, 1990; Столович, 2002]; выполнении анекдотом своеобразной функции повседневно-бытовой мифологизации жизни. Вместе с тем, несмотря на устойчивость и традиционность анекдота как феномена культуры, сам характер анекдотической ситуации всегда осовременен, приближен ко дню сегодняшнему, репрезентируя в своем содержании актуальное реагирование на изменяющиеся условия культурной среды, обеспечивая *актуальную диагностику настоящего*.

Социологические аспекты функции юмора, его роль в интеграции социальной системы, обеспечивающая динамическое колебание конфликтности и согласия, сплоченности и дифференциации групп, реальное участие в процессах самоидентификации - темы и проблемы, неоднократно оказывающиеся в поле внимания социологов [Бутенко, 1994; Бутенко, 1997; Дмитриев, 1996]. Такое внимание объяснимо: анекдот, несмотря на локальный характер, погружен в широкий социокультурный контекст и отражает не столько уникальные свойства персонажа, сколько специфику коллективного типа. В устных юмористических рассказах мы сталкиваемся со стандартными способами реагирования на ряд обобщенно-типичных ситуаций, именно в них раскрывается природа узнаваемого и специфического, актуального для большинства именно в силу укорененности данных черт.

Кроме того, анекдот носит *коммуникативно-диалогичный* характер: существует в режиме постоянного коммуникативного обмена, рассчитан на реакцию воспринимающего (по сути, реагирование - обязательное условие презентации юмористического сюжета), предполагает воспроизводство, дальнейшую передачу полученной информации ("вирусный" способ распространения). Анекдот совмещает *повседневно-публичную* форму распространения: озвучивается в неформальной среде (выступает значимым и востребованным атрибутом неформальной компании) и фиксируется в поле масс-медиа (специальные подборки в прессе, юмористические программы на радио и телевидении, специализированные Интернет-сайты, издание отдельных сборников). Эти условия (совмещение традиционно-актуального, коммуникативно-диалогичного, повседневно-публичного) делают анекдот репрезентативной базой **исследования** национально-культурных констант.

В данной статье **исследование содержания и форм самопрезентации русского национального характера, отраженных в юмористических анекдотических сюжетах** осуществляется методом контент-анализа. Было проанализировано 550 сюжетов. Выбор анекдотических сюжетов из общего числа текстов основывался на следующих принципах отбора: прямое указание на русскую культуру (употребление соответствующих слов: русский, русское, россиянин, Россия); сопоставление национальных особенностей персонажей ("мы" и "они"); отсылка к национально-историческим событиям; использование сказочных персонажей и фольклорной русской тематики; обращение к "извечным русским вопросам" (Кто виноват? Что делать?), классически-злободневным проблемам (русское пьянство, "дураки и дороги"); ориентация на учреждения и ведомства российской инфраструктуры, конкретных представителей и публичных персон, обращение к национальным проектам и государственным программам; использование крылатых фраз и ссылки на произведения русских классиков.

Методом контент-анализа выявлялась частота употребления в текстах анекдотов характеристик, связанных с фиксацией национальных особенностей (единица счета - упоминание). В текстах, помимо процедуры количественного подсчета интересующих характеристик (приравненных к слову, упоминанию), интерпретативная практика базировалась на процедуре мобилизации смысла сообщения в тематически определенных отрезках, выражающих некую сюжетную определенность - общий *тематизм* сообщения.

Контент-анализ осуществлялся по следующим направлениям: соотнесение категорий актуальное/традиционное в анекдотическом сюжете; отражение национально-культурных особенностей россиян в характеристике персонажей анекдота; выявление общего контекста восприятия современной российской действительности (анализ локальной тематики анекдота); характеристика различных социально-профессиональных групп современной России (на основе профессиональной принадлежности персонажей); **исследование** внешнего контекста взаимодействия россиян с представителями иных национальностей (сопоставление национальных особенностей персонажей анекдота).

Прежде всего остановимся на **соотнесении категорий "актуальное"/"традиционное"**, представленных в анекдотических ситуациях. Безусловно, подобное деление, как сказано выше, вряд ли можно рассматривать в терминах противопоставления. В целом мы можем говорить, скорее, об *актуальности традиционного*: передача устойчивых базовых черт русского национального характера через современные ситуации; и *традиционности актуального*: постоянный возврат к "извечным вопросам" и "бедам" российской действительности.

Если же понимать под актуальностью анекдота мобильность реагирования на нововведения, то подобная оперативная форма фиксации чаще всего проявляется в реакции на национальные государственные проекты (демографические программы, ипотечное кредитование), программы реформирования различных социальных сфер российской действительности.

- *Казанский и Ярославский вокзалы признаны победителями в рамках программы "Доступное жилье".*
- *На рынках стали продавать старые овощи и фрукты по сниженным ценам в рамках правительственной программы "Доступное жилье".*
- *В России принято решение заменить смертную казнь ипотекой.*

Осовремененный характер традиционных сюжетов в анекдоте связывается с обращением к прошлому, но в форме "переписывания" исторических образов в соответствии с днем сегодняшним. Популярной остается тематика исторических событий через описание военных действий: древней Руси (имена полководцев, значительных событий в истории Руси), гражданской войны (герои - В. И. Чапаев и Петька), Великой Отечественной войны (сюжетные линии: "наши и фрицы", "Гитлер и Сталин", "партизаны"). Создается обобщенный пласт актуальной фиксации традиционного наследия. Русская фольклорная тематика становится предметом осмысления, популярной те-

мой. Традиционна для анекдота ситуация помещения сказочного фольклорного героя в современный контекст, не лишаящий героя традиционно-узнаваемых черт поведения и мышления.

- *Приехал Иван-царевич в Париж, пошел в ресторан. Дают ему меню. Читает: "лягушачьи лапки жареные", "лягушачьи лапки тушеные", "суп из лягушачьих лапок". Глубокомысленно:
- Вот они с ними как! А я-то, дурак, женился!*

Другой вариант обращения к фольклорной тематике - трактовка традиционно-мифологического и сказочного в постфольклорном, а потому абсурдно-юмористическом прочтении сюжетов и сказочно-былинных героев, погружение их в пространство новой, осовремененной терминологии.

- *- Сивка Бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой.
Иван, вы бы, как сейчас говорят, выразались чисто конкретно, а то у нас, у лошадей, ассоциативный ряд-то послабее.*
- *На правах рекламы. Снесла Курочка-Ряба яичко... Смотрите в наших кинотеатрах новый суперблокбастер: "Яйцо наносит ответный удар".*

Переплетение актуального и традиционного начала в содержании анекдотов может фиксироваться не только в современном характере избираемых тем или введении фольклорных героев в изменяющийся контекст существования, но и в понимании актуального как особой формы отражения привычного, понятного и узнаваемого для большинства - **национально-культурных особенностей**.

Культурные особенности и черты русского национального характера, проявляющиеся в понимании жизненных явлений и ситуаций, выступают общим "слепок" культуры, ее глубинными составляющими, исторически укоренившимися в сознании и поведении многих поколений. При всей исторической изменчивости в основе они константны и представляют собой наиболее общее содержание культуры: "Стереотипные персонажи анекдотов носят прецедентный характер, то есть являются известными, узнаваемыми фигурами - пародиями национальной культуры, либо мифологизированными этническими типажам, за которыми в массовом сознании закреплены характерные образы, ментальные стереотипы (чаще всего, односторонние, условно-схематичные) и комические стандарты их поведения, которые адекватно воспринимаются исключительно в пределах русской речевой культуры" [Химик, 2002: 25].

Исследователи основ русского национального характера выделяли в качестве отличительной черты русского сознания его двойственность - сосуществование антиномий, отсутствие середины, амбивалентность, выступающую в крайностях: "или - или". Подобные характеристики во многом лишают национальный тип нацеленности на прагматические ориентиры, препятствуют выбору рационально-обоснованных и логически-последовательных построений.

Отсутствие логики и опоры на здравый смысл отражено и в содержательной направленности анекдотов, передающих в целом анекдотизм русской жизни как закрепленную в культуре нелогичность поведения, акцентировку внимания на непродуманности действий русского человека, нецелесообразности и неразумности осуществляемых им поступков:

- *- Как вы думаете, Россию можно причислить к развитым странам?
- Скорее, к развитым странно...*
- *Остановки для транспорта специально разрабатывались для России. Учили всё: на случай жары - стеклянная крыша; на случай ветра - проемы в стенах; и даже для зимы специально придумали - железные лавочки.*
- *Офицер командует солдатам:
- Так! Копать здесь, здесь и здесь! А я пока схожу, узнаю, где надо...*

Фактор случайности, находящий выражение в таких привычных русскому сознанию понятиях, как: "авось", "сбудется - не сбудется", приводит к тому, что русский человек предстает социальным типом, ориентированным на действия, не столько осуществляемые целенаправленно (целерационально), планомерно и последовательно,

сколько естественно "случающиеся" с ним: "Свои дела он откладывает, а ценностное действие, как правило, не завершается каким-то определенным результатом: в нем это и не предусмотрено, ведь оно - часть какой-то коллективной модели, по которой должны "продействовать" многие, прежде чем что-то получится. И оказывается наш соотечественник человеком, который вечно "суется" в какие-то чужие дела, а свои собственные не делает" [Касьянова, 2003:191]. Характер подобного целедостижения свойственен культуре в целом, принимаем ею как отличительно-значимый, узнаваем, а потому и одобряем с культурных позиций (что, однако, не мешает отдельным индивидам выбирать рационально выстроенные и программно-запланированные модели поведения).

Отсутствие рациональности и программности действий как нацеленности на планируемый результат проявляется и в обращении к темам русской лени как особой формы *без-делия*. Яркое подтверждение такого приоритета *созерцательного* над *действенным* было зафиксировано исследователями еще при анализе русского народного творчества. На классический вопрос: "Что делать?" - русские сказки почти всегда дают один и тот же ответ - ничего. Сказочный "дурак" в русских сказках представляет собой особый тип: "...они оппозиция расчету, материальной выгоде, не желают ради нее и пальцем шевельнуть, и все, что нечаянно попадает им в руки, есть результат действия внешних (чудесных) сил. Их собственная воля, осознанные усилия к этому непричастны" [Мильтон, 2001: 57]. Очевидно, в силу устоявшейся в традиционном типе ориентации на "щучье веление" данная направленность поведения русского человека проявляется и в характеристике героев анекдотов, озвучивающих тему лени и мечты о "халяве".

- *Товарищи офицеры! Я ваш новый командир части и с завтрашнего дня устанавливаю следующий распорядок несения службы: понедельник - отдых после выходных дней, вторник - подготовка к рабочему дню, среда - рабочий день, четверг - отдых после рабочего дня, пятница - подготовка к выходным дням, суббота и воскресенье - выходные дни. Вопросы есть? Встает молодой лейтенант:*
- *Товарищ полковник, лейтенант Иванов. Что же это получается? Целую среду вкалывать?!*

Проявляется подобная "антипрагматичность" и в том, что тип нового (ориентированного на западные стандарты) поведения, воплощенный в образе "нового русского", воспринимается как неестественный и изменивший традиционным ценностям - "новый" как "иной", антагонистичный прежнему традиционному укладу. Свойственная "новорусской" тематике ситуация столкновения "нового" и "традиционного" героя (выраженная, чаще всего, в анекдотическом сюжете ДТП), с одной стороны, демонстрирует внешнюю успешность "новых русских" (дорогой автомобиль, неограниченное расходование денежных средств), с другой, представляет их проигрывающими традиционному бедному, но находчивому герою (отстаивающему правду на автомобиле отечественного производства).

Привычна ситуация позиционирования "нового русского" в явном противопоставлении сфере духовности (подобное противопоставление может принимать и кощунственные формы: описание анекдотической ситуации, при которой "новорусский" герой просит у продавца ювелирного магазина убрать с золотого крестика "гимнаста"); традиционно закреплённой оппозиции духовного и материального богатства на фоне непонимания "новыми русскими" истинных духовных ценностей, как бы оттеняя конфликт "вечно живого" и "преходящего".

- *Новый русский покупает недвижимость. Ему рассказывают: вот здесь лес, озеро, там луга, а там старинный замок - вторая половина семнадцатого века... Новый русский (возмущенно):*
- *Пацаны, я чего-то не понял, а где первая половина?*
- *В Эрмитаже экскурсовод возмущенно новому русскому:*
- *Гражданин, вы что, обалдели! Вы же сидите на кресле самой Екатерины II.*
Новый русский, отнимая от уха трубку мобильного:

- Слушай, я что этикета не знаю что ли! Когда она войдет, я встану!
- Возвращается "новый русский" из Италии. Хвастает:
- Был, вот, в театре. Как же его зовут-то? Черт, вылетело из башки... Обнимала?... Целовала?... А! Точно - Ласкала!

Обращая внимание на анекдотическую презентацию внерациональных ценностных ориентиров, вряд ли можно говорить об отрицании предприимчивости как характеристике, свойственной русскому менталитету. Речь идет лишь о том, что характер предприимчивости в анекдоте связывается скорее с формами *ценностно-рационального* поведения, не ориентированными на логически выстроенные и непротиворечивые планы и программы развития. На практике это проявляется в юмористической пропаганде находчивости, ловкости и смекалки "простого героя", приходящего к разрешению проблемной ситуации при помощи бытовой хитрости и инициативности.

- Как русскому человеку приготовить заливного осетра? Берешь минтая и заливаешь, что это - осетр!
- Пятый раз из музея похищают "Черный квадрат" Малевича! И вот уже пятый раз сторож дядя Вася успевает к утру восстановить картину.

Помимо ориентации на традицию необходимой представляется и фиксация **общего контекста восприятия современной российской действительности**. Этот контекст, отраженный в локальном тематизме анекдотических ситуаций, может быть передан через три возможных варианта оценивания (табл. 1).

Таблица 1. Общий контекст восприятия действительности (анализ локального тематизма повествования)

Контекст оценивания	Количественный показатель
Критический (указание на проблемные зоны)	380
Нейтрально-сбалансированный (безоценочный)	139
Позитивный (фиксация благополучия, элементы гордости)	21

Итак, как можно убедиться, в анекдоте преобладает критически-ироничное отношение к современной российской действительности.

- *Маленькие российские хитрости: негативные последствия любого кризиса можно значительно уменьшить, если вовремя назвать его "Перестройка"*.
- *Зона рискованного земледелия в России - это когда сеешь разумное, доброе, вечное, а пожинаешь глупое, злое и сиюминутное*.

Данный характер демонстрации лишен свойственной традиционным публичным презентациям пропагандистской идеализации: анекдот, несмотря на нереальность описываемых событий, *критически реалистичен* в представлении черт характера, направлен на ироничное озвучивание скрытых, табуированных, не свойственных напрямую афишированию проблемных зон: взяточничество, коррупция, произвол власти, незащищенность простого человека. Возможно, такая функция анекдота в принципе может рассматриваться в качестве родовой, как в свое время народная смеховая культура (персонифицированная образами скоморохов, шутов, юродивых) выполняла функцию *озвученного протеста* по отношению к официально закрепленному и недоступному в открытом порицании порядку. Протестный характер не был ориентирован на открыто-демонстрационные и активные формы противостояния, а создавал, скорее, *эффект компенсаторной стабилизации*: наличие реакции (критика в слове) как необходимой разрядки (допустимой "отдушины") на вызывающее внутреннее напряжение противоречие.

Таким образом, анекдот, как национальная самопрезентация в миниатюре, предстает в большей мере *проблемным представлением о себе*, задача которого не подчеркнуть лучшее, завуалировав недостатки (что нередко используется в рекламной презентации и идеологических формах самопродвижения), а фиксация в ироничной

Таблица 2. Фиксация проблемных зон российской действительности (количество упоминаний в текстах)¹

Конкретные проявления	Количественный показатель
Превышение властных полномочий, нарушение закона	157
Взяточничество, коррупция	121
Пьянство	115
Нарушение трудовой дисциплины, пренебрежение профессиональными обязанностями	89
Мошенничество	47

форме того, что идентифицируется окружающими как насущная и нерешенная (или сознательно не решаемая специализированными официальными институтами) проблема действительности. Анекдот ориентирован на введенное В. Я. Проппом понятие "насмешливого смеха", практикуемого с целью социальной критики, подчеркивающего несоответствие должного и сущего.

Вместе с тем направленность критического осмысления действительности в анекдотических ситуациях носит, как правило, не абстрактный, а вполне конкретный характер, предстает в виде четко фиксируемых "пороков" (табл. 2).

Можно выявить определенную закономерность: большая толерантность в прочтении проблемных зон (критически-снисходительный тон) проявляется в отражении национальных русских черт: лень, пьянство, недисциплинированность; по мере же угасания индивидуализации и приближения к оценке деятельности социальных институтов (особенно институтов власти, управления) фиксируется заметное возрастание критичности. Так, критичность в оценке превышения властных полномочий, недобросовестного выполнения профессиональных обязанностей чаще связывается не с отдельными героями, а с деперсонифицированным образом власти, деятельностью социальных институтов, ведомств, инстанций.

- *Чиновники российского правительства заявили (цитируем): "У нас достаточно денег для преодоления мирового финансового кризиса". Что делать остальным россиянам, пока непонятно.*
- *Новая акция ГИБДД: оплатите штраф за два правонарушения, и третье можете совершить бесплатно.*
- *Лотерея Минздрава "Лотто-больной"! Еженедельно разыгрываются: бюллетени от 3 до 5 дней, плоскостопие для призывников, суперприз - инвалидность первой группы.*

Это "адаптация большой политики" - попытка в юмористическом прочтении приблизить, встроить в поле повседневного опыта национально-политические проекты и программы, глобально-исторические события и политические периоды; обозначить в привычно-народном понимании деятельность тех, кто, как правило, "страшно далек от народа". Однако выраженная зависимость от власти свойственна не только "маленькому человеку" - анекдотическому персонажу-обывателю, наблюдающему и оценивающему в некотором роде "инобытийный" мир власти и большой политики, но и "сильным мира сего", в равной мере демонстрирующим патерналистическую ориентацию.

- *Пришел Обама в Кремль на переговоры с Медведевым. Ждет-ждет, а Медведева все нет. Вдруг открываются двери, вбегает запыхавшийся Медведев:
- Извините - в пробке стоял! Путин утром ехал на работу, - дорогу перекрыли.*

¹ Обратим внимание на то, что итоговый количественный показатель превышает число проанализированных текстов (550), поскольку тематика анекдота полифонична и допускает пересечение нескольких локальных тем внутри одного сюжета.

- *Сенсация! При разборе хлама в кладовке одного из детских садов Санкт-Петербурга найден ночной горшок с надписью "Вова Путин". За право выставить находку спорят Эрмитаж и Государственный алмазный фонд.*

В отражении повседневно-бытовых проблем лидирующей оказывается тема пьянства. Однако характер фиксации данного порока не столько носит толерантный характер принятия (снижательный тон обсуждения), сколько выступает элементом национальной гордости, признаком особенности и отличия, своеобразным знаком качества всего "исконно русского" ("только у нас!", "только наши люди так могут!").

- *Наши люди обладают уникальными способностями! Например, воскресать после корпоратива.*
- *Пристрастие русских к алкоголю объясняется суровым климатом страны. Любая погода в месте пребывания русских считается суровым климатом. Вот и сегодня погода - прекрасная, а климат - суровый!*
- *Есть русские люди, которые думают, что пить надо больше, есть и те, которые думают, что пить надо меньше, но все русские люди сходятся в одном: пить - надо!*
- *Лента новостей: "В Германии за рулем задержана иностранка, в крови которой обнаружена трижды смертельная доза алкоголя... Вся Россия с нетерпением ждет объявления национальности нарушительницы!"*

Одной из наиболее распространенных конструкций в освещении проблемы пьянства становится сюжет - пьяный за рулем. Вероятно, подобный снижательный тон в нарушении закона во многом объясняется в целом скептическим отношением к законности, сложившимся в русской культуре.

- *В Америке разрешено все, что явно не запрещено законом.*
- *В Китае запрещено все, что явно не разрешено законом.*
- *На Кубе запрещено даже то, что явно разрешено законом.*
- *В России разрешено даже то, что явно запрещено законом.*

Пренебрежительное отношение к закону находит подтверждение как в традиционно-фольклорной тематике ("Суд, что дышло, куда повернешь, туда и вышло"), так и в содержательном несовпадении "права" и "правды", отраженном в философско-публицистических исканиях. При этом нельзя отрицать того, что теории права находили свое воплощение и тщательную разработку в трудах русских исследователей, однако характерной их чертой была ориентированность на *аксиологическую* составляющую, приоритет *морали нар*, законом, когда конечным пунктом исканий виделось не достижение истины, а именно торжество Правды, восходящее уже к некой "над-легитимной" инстанции.

Возможно, с подобным неуважением к закону связано и то, что сам характер юмористической презентации героев, на которых официально возложена функция защиты общественного порядка, выступает в прямо противоположном значении. Декларируемый "порядок" не отождествляется с категорией "закон" (воспроизводимое в западной культуре словосочетание "закон и порядок"), а, напротив, мыслится в смысловой оппозиции с ним, проявляется в желании ограничить правозащитные функции прежде всего у самих "защитников".

Лейтмотив отсутствия защиты как надежды на внешнюю, гарантированную специализированными институтами безопасность проявляется и в характере освещения деятельности вооруженных сил.

- *Пока не служил, спал спокойно, знал, что охраняют. Во время службы спал плохо, охранял. После службы вообще не сплю... Знаю, кто охраняет.*

В целом, обращаясь к характеристике социально-профессиональных групп (табл. 3), мы можем зафиксировать общее преобладание военно-правоохранительной тематики. Корреляция показателей второй и третьей таблиц позволяет выявить следующие пересечения: лидирующие группы в освещении тематики взяточничества - работники ГАИ, чиновники и преподаватели.

- *Гаишник останавливает машину с выпившим водителем. Мужчина выходит из авто и сокрушается: Ну все, попался. Гаишник: Спорим на штуку, что не попался!*

Таблица 3. Характеристика социально-профессиональных групп (количество упоминаний в текстах)

Социально-профессиональные группы	Количественный показатель
Правоохранительные органы	185
Вооруженные силы	129
Государственные служащие, чиновники	64
Врачи	56
Преподаватели	32
Спортсмены	28
Инженеры, конструкторы, технические работники	24
Творческие работники	22
Безработные	10

Таблица 4. Характер взаимоотношения с представителями иных национальностей (выраженный в локальном тематизме повествования)

Контекст оценивания	Количественный показатель
Интолерантный (указание на недостатки, приписывание отрицательных черт)	34
Нейтрально-снисходительный (признание особенностей, без критического отношения к ним)	62
Толерантно-доброжелательный (позитивное восприятие, указание на взаимодействие и взаимопонимание)	16

- *Чем похожи работники ГАИ и китайцы? 1. И тех и других слишком много. 2. И те и другие питаются с помощью палочек.*

Пренебрежение профессиональными обязанностями, халатность на рабочем месте чаще всего связываются с образами военных, врачей, технических работников.

- *Против исконного сибирского здоровья бессильна даже отечественная медицина - несмотря на все ее усилия, пациент все равно выживает.*
- *Консилиум врачей у постели больного:
- Ну что же, коллеги, будем лечить? Или пускай живет?*

В то же время, пытаясь понять себя и формируя представления о собственных особенностях, субъект анекдотической ситуации помещен в социальное пространство интеракций с "другими", традиционной оппозиции: "Мы" и "Они". Именно поэтому задачи исследования потребовали обращения к изучению внешнего контекста взаимодействия россиян с представителями иных национальностей.

Количество анекдотов, ориентированных на освещение межнационального взаимодействия, составляет 112 сюжетов из общего числа 550 проанализированных анекдотов (табл. 4).

Исследователи национальной психологии фиксируют подтверждение явной или скрытой национальной нетерпимости к представителям некоторых расовых или национальных групп. Такое внутреннее противоборство позволяет преодолеть трудности в распространении собственной национальной идеи, открывает возможности бессознательного вымещения любого дискомфортного состояния. Проецируя свои грехи на кого-либо, "чистокровный" представитель национального образа обретает желанное душевное равновесие. Попытка ответа на вопрос: "Кто виноват?", нередко разрешается в плоскости национально-этнических ответов.

- *На перекрестке столкнулись пожарная, милиция, такси и скорая помощь. Кто виноват? Виноваты, конечно, евреи.*
- *Мечта обычного русского человека: взять и кинуть богатого американца на 300 млн долларов, а потом кинуть богатого англичанина на 300 млн долларов, а потом богатого немца и тоже на 300 млн. И чтобы все они были евреями!*

Идея превосходства своих богов, нравов, обычаев над чужими проходит через любой народный эпос; типична для национальных идей, тяготеющих к исключительности (подтверждение этому находим в доктринальных пропагандируемых установках: "Бог любит Америку", "Британия - владычица морей", "Япония - страна восходящего солнца", "Германия превыше всего", "Святая Русь", "Все дороги ведут в Рим" и других). Вместе с тем в анекдотах, в силу их юмористического контекста, характер подобного противопоставления носит смягченно-нейтральный, снисходительный характер. Присущая анекдоту критичность в оценивании собственных национальных черт оборачивается тем, что традиционный для большинства анекдотов сюжет попадания представителей разных национальностей в одинаковые условия оборачивается равнозначностью оценок, характеризуется критичным указанием и на собственные национальные недостатки.

- *Послали марсиане своих разведчиков на Землю на полгода в Америку, Францию и Россию. Возвращаются разведчики на Марс и докладывают: вернувшийся из Америки - "У них техника отстает от нашей на 1000 лет". Вернувшийся из Франции - "У них парфюмерия опережает нашу на 500 лет". Вернувшийся из России - "Только успел я телепортироваться, как ко мне подходят двое мужиков и говорят - а вот и третий... а больше я ничего не помню".*
- *Угощали Обаму Путин с Медведевым в русском стиле: на столе стоял самовар, а в самоваре по исконно русской традиции была водка... Как удивится потом американский президент, узнав, что он подписывал в Москве!*

Таким образом, мы можем говорить о функции *национально-толерантного равновесия*, обеспечение которой во многом выполняет анекдот. Другими словами, сбалансированный характер освещения национальных особенностей в анекдотах свидетельствует не об агрессивном противопоставлении "своей - чужой", а о многоплановости отражения национальной и этнической специфики.

Подведем итоги анализа юмористической самопрезентации русского национального характера, осуществляемой при помощи анекдота. Ценностная структура личности, отраженная в анекдотическом сюжете, погружена в типичные действия, подчеркивающие специфику национальных реакций на самые разнохарактерные ситуации. Герои и персонажи анекдотов, раскрывающиеся в сюжете типичные ситуации - воссоздают единство традиционно-актуального поля, социально-архетипический пласт российской культуры. Вместе с тем анекдот - не только пассивное воспроизводство сложившихся представлений, но и опыт **конструирования социального контекста**: выстраивая устную историю и делясь ею с окружающими, образуется структура социального порядка - общие принципы понимания истории сегодняшнего дня. Воспоминания о "прошлом" непрерывно перерабатываются (переосмысливается трактовка, происходит замена старых смыслов) и перерастают в нарратив истолкований "настоящего" в положении между прошлым и будущим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бутенко И. А. Из истории "черного юмора" // Социол. исслед. 1994. N 5.
Бутенко И. А. Юмор как предмет социологии // Социол. исслед. 1997. N 5.
Дмитриев А. В. Социология юмора. Очерки. М., 1996.
Касьянова К. О русском национальном характере. М., 2003.
Лосев А. Ф. Из ранних произведений [Текст]. М., 1990.
Мильдон В. "Сказка - ложь..." // Вопр. философии. 2001. N 5.
Столочич Л. Н. Анекдот и миф // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002.
Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.